

{numeration}

Жил до тово купечь, и у ево были сын и дочка. И он с сыном отправлялся в инныя земли торговать, а дочь свою оставлял дома. И оставил он ей несколько мага́зин и прикашшиков. «Дочька моя милая, оставайся, я тебе оставляю магазин и торгуй с прикашшками. Если я от тебя чево учу́ю, сделаю худо, то я тебе голову срублю». Дочка так торговала благородно со своими прикашшиками и скромно жила; и она в одно время захотела повидаться со своими сродственниками. Сделала она вечер и созвала свою родню. У нее был дядя один архиреем. И потом она угостила свою родню, и оне разъехались по своим местам. Она дядю своево оставила дома тут жо, и налила снова самовар, и сили они чай пить. «Ну вот, говорит, дядянька, ты скажи, как душа спасти». — «А вот, ты сделай со мной грех, и я тебе скажу, как душа спасти». — «Вот сейчас же я схожу в другую комнату и приду, и согласна я с тобой». Убежала она в самые задние комнаты и спряталась, заваливши одёжой. И дядя ее поискал, поискал — не мог найти и с тем согласился; уехал домой. И раздумалсе: «У меня брат такой, узнает, што я сделал над дочерью — то меня решит». И взял он, написал своему брату письмо: «Вот, брат, говорит, мой милой, дочь твоя после отъезду так гуляет. И завела в своем дому трахтиль и б...».

И брат принял письмо от брата своево про дочерь. И посылает сына своево изгубить свою дочь. И потом сын приезжаэт в одно время, в полночь, домой. В городе огней не было. У ево в доме в крайней комнате был огонь, и он подумал, што она сидит с полюбовниками. И взял, вошел в свой дом, запоры знает — запер и вошел к ей в комнату. Свечка горит перед иконой, она стоит и Богу молится. Услышала, што хто-то пришел. И поглядела, видит — стоит брат. Она испугалась и спросала у ево: «Ах, братец милой, зацем ты прибыл домой?» Брат взвыл и говорит ей: «Ах, сестрица милая, до нас письмо пришло, што ты в доме завела трахтиль и б..., и за это тебя отец велел решить». Потолковали с братом и она отпросилась: «Не бей миня, отпусти на волю, я ни тебе, ни отцю не покажусь никогда». И брат пожалел ее; отпустил на волю.

И она с дому ушла ночью. И покуда она ночь была, так шла большой дорогой. И потом как стал день — она сама себе и говорит: «Я знаменитая купчиха. Меня, говорит, каждой знает. Кто отцу донесётся, то и брату худо будет». И она отвернула в лес. Подошла несколько лесом и вышла на тропинку. По этой тропинке шла несколько время и вышла на широку долину. О середке этой долины стоял дом. «Пойду, говорит, в этот дом и узнаю, кто живёт; тут, быть может, закушу́». И приходит она в этот дом. Ворота не заперты, и заходит в этот дом, и походила она по всему дому — людей нет никово. Зашла в одну комнату; лежит пирог в белой корке и графин вина; ей от устатку захотелось поись. Она наперво налила рюмку вина, выпила и закусила пирога. Тольки што пирога закусила, чюёт конной топот и розговор народа. Поглядела в окно: и́дет 11 человек верхам на конях, и все оне оружонные. Она сама себе и говорит: «Не к месту я попала: верно, этот дом разбойнической». Заходит сам атаман в эту комнату: «Ах,

братцы, вот нам сестрицю Бог дал. Вы смотрите, не обижайте ни словом, ни делом». И жила она тут несколько время.

Дядя думал про то, што «Брат приехал, не убил сестры и отпустил он живую. И донесутся слухи — худо мне будет!» И взял нашел он себе волшебну старуху. И эта старуха поглядела по своим волшебным книгам: «Жива, говорит, у ты племянка». — «Так постарайся, как бы ее уморить». — «Купи, говорит, на платье атласу и сшей. Как она облочёт, так и умрёт». И он купил атласу и сшили платье; и взяла эта старуха, и понесла. Приходит старуха к дому, и она как увидела, што руська бабка идёт, и она как обрадовалась ей, и принела ее в гости. «Вот, говорит, Маша, твой брат по´слал платье и всячески жалеет тебя». И она облокла платье примериться, и сделалась мёртвая. Эта старуха ушла. Приехали разбойники и видят, што ихняя сестра мёртвая. Ну как они потужили все и сказали: «Што из мертвых не сделаешь живую, и надо, верно, похоронить». Сделали оне гроб. «Надо, говорят, ее вымыть». И стали.

Только снесли платье — она сделалась живая. «Это ты-то отчево же сделалась?» А она им ответила: «Пришла руська старуха и принесла платье, и сказала, што от брата, я одела ево и сделалась мёртвая». Оне её и наказывают: «Ты никуда не ходи и никово ни пушшай в дом».

Дядя ее спросал, эту самую волшебницу: «Мёртвая ли моя племянка?» Она ему сказала, што жива. «А как же ее уморить?» — «Слей ты ей золотое кольцо — как на руку положит, будет мертва. Потому, говорит, как стали мыть и платье сняли — она и сделалась живая, а кольцо не будут снимать». Слил ей золотое кольцо дядя и послал с этой самой волшебницей. Волшебница пришла к этому самому дому и покинула это самое кольцо в паратное. Эта девичья пошла за водой, увидела это кольцо. «Ах, это кольцо, видно, братец уронил». Взяла подняла, надела на руку и сделалась мёртвая. Приехали розбойники и видят, што ихняя сестра мёртвая; потужили, потужили — делать нечево, надо похоронить. Снесли с нее платье и вымыли ее. И один из их и говорит авата´ману: «Братець, отдай с сестры кольцо». Он как снял кольцо, она сделалась живая. «Это што же, сестра, над вами делается?» — «А я, говорит, пошла за водой, нашла в паратном кольцо и думала, што вы сронили, я подняла, надела на руку и сделалась мёртвая». Оне ее и сказали: «Никуда из дому не выходи; ни за водой, никуда. И будешь ты живая».

Дядя же ее спросил, эту самую волшебницу: жива ли племянка ево. Волшебница сказала, што жива, оне сняли кольцо и она сделалась живая. «Так нельзя ли ее уморить,

как?» — попрошал дядя волшебницу. Она ему сказала: «Купи ты булавку, я и снесу ей, и она воткнёт в косу, и будет мёртвая; тогда она никогда жива не будет». Раз она во время обеда цёсала голову против зеркала, и булавки выдернула, и покинула на окно. Волшебница залетела мухой и переменила эти булавки — свою покинула на окно, и ее взяла себе. Уцёсала она голову, заплела косы и влепила булавку. Влепила волшебну булавку и сделалась она мёртвая. И потом приехали розбойники. И видят, в комнате ихня сестра мёртвая. Оне потужили, потужили — делать нецево, надо, видно, зарыть в землю. Сняли с ее платье и оммыли ее. И слили ей золотой гроб, и вынесли ее на погреб: «Может быть, она опеть оживёт». И с этово горя оне запьянствовали, и распорились друг с другом, и придрались. И все друг друга убили и нарушили розбойнической дом...

Охотился царской сын со своими охотниками, и розъехались оне в лесу на стадо оленей, и росшибли они это стадо; и погонился один за одним. Царской сын ударился за оленем и выехал он на эту долину. И увидел он этот дом. «Может быть, нет ли чего закусить? Исправной больно дом — крестьянин ли живёт или помещшик?» Заходит в этот дом, в эту саму комнату и видит, што дом розбойнической. И розбойники все похи́чены, и именно не знает кем. «И не можот быть, штобы в таком доме нет каких-нибудь драгоценностей!» И пошел искать. Обошел дом весь, как не заперто было ницево; ницево не мог найти, кромя розбойнических орудий. Увидел ключи на стене. «Стой, говорит, эти ключи от чево-нибудь есь». Взял ключи, пошел на белой двор. Увидел западную дверь — открыл ее. И туды лисница, и там сделан погреб. Отпер этот погреб, и в погребу там много драгоценностей: золота и серебра, и разных дорогих камней. И увидел золотой гроб, и роскутал ее, и видит: в гробу повалена дивичя. И она ему вовсе понравилась. И он взял этот гроб и увёз домой. «Я найду, быть может, средство и вылечу ее».

И он привёз домой и приладилсе он домой приехать ночным временем: што ништо бы ево особенно не видел. И взял он этот гроб, и занёс к себе в спальню, и поставил под кровать. И сякими средствами он ее лечил, а вылечить не мог. И он просто вжалелсе в ее и сделалсе ху́же. И говорит своей цярице: «Почему у нас сын сделалсе хуже, разве он нездоров?» —

«Нет, говорит, он у нас здоров. А потому он как не в лёхом воздухе, и оттово он сделалсе хуже. Вы, говорит, пошлите ево куда-нибудь на лёхой воздух, и он тогда будет лутше». И отправил ево отец войска смотреть и на целой месяц. И сын ево запер свою спальню и наказ дал такой своему прислуге: «Што, ежели ты пустишь в мою спальню кромя меня, я приеду, и поплатисся ты мне своей головой». Раз отец же ево здумал ево спальню обихо́дить, посылает своих служанок. Прислуга служанок не

пушшаэт. Оне обратились лично к государю: «Што прислуга нас не пушшаэт». И он приходит сам и говорит слуге: «Пусти в спальню». А слуга ему отвечает: «Твой сын заказал мне: ково пустишь в мою спальню опричь меня — головой поплатисся». Отець ему сказал. «А, если ты меня не пустишь, я тебе сичас голову срублю». Согласился слуга пустить ево в спальню. Отпер спальню. Зашли прислуги и стали очишшать спальню. И нашли под кроватью золотой гроб. И донесли государю. И пришел государь с государыней, раскрыли гроб и видят в гробу девичю. И удивились оне, как это она попала, жива или мёртвая. «Верно, она попала живая и потом она померла, и он об ей тоскует, и оттово он сделалсе хуже. Давай, мы похороним ее до нево». — «Всё-таки надо ее оммыть!» Наредила она служанок оммыть эту самую девичю. И они стали расплетать го́лов и выдернули волшебну булавку, и она сделалась жива. И тот государь устранился и спросал у нее: «Какая ты есь?» Она ответила ему: «Я православная, христьянской веры». — «И как же ты сюда попала?» — «Я не знаю, говорит, как попала. Я жила у розбойников и сюды не знаю, как попала». И оне видят, что девичя хорошая, и обредили они ее снова в своё платье. И взяли они к себе в комнату и до приезда своего сына.

Когда сын приехал, был стречен отцом своим и матерью. А слуги не казали на глаза. И приходит отец, и подает ключи от спальни. И сын заходит в спальню и поглядел: гроба ево нету. «А вы куды, говорит, красавицу мою девали?» — «Мы красавицу твою похоронили, как она была у тебя мёртвая». — «И мне, говорит, не перенести, и я, говорит, тогда помру». А отец и сказал сыну: «А кабы она жива была, так што бы было?» — «А живая была, так взял бы я ее замуж». И они в тот же раз приводят ее живую. И он тот же раз с ею и оввенчалсе. И взял ее взамуж, и жили они с ей два года; и она стала у ево проша́ться на родину: «Пусти меня, говорит, на родину». И он ее уволил. И дал ей экипаж и тройку ко́ней, и дал своих двух придворных енералов. И оне отправились на родину. Ехали там несколько места и заехали на небольшой перелесок, и им захотелось эту самую Царицю во грех вести; и они напали на ее вдвое, вдруг. Она им и говорит: «Што же вы будете со мною делать двое? Вы лутше по одинке. Вот я дам вам жеребей». Оне сказали: «Какой ты нам жеребей даси́?» — «Вот, я вот кину перстятку, которой первой сгребёт, тот вперёд». Она кинула перстятку, и оне выскоцили оба. Она хлеснула коней и уехала от их. Ехала она несколько места. Кони у нее отчево-то сполошились. И опрокинули экипаж в канаву. Она покуда выправляла коней и видит, што енералы набегают блиско. Она оставила своих коней и экипаж и убежала в лес. Оне, как пришли к ко́ням, выправили их из конавы. «Ну куды мы топерь денемся? Государыни у нас топерь нету. Нас государь кряду решит». И подумали в том, што отвезли ее далёко, и она, может быть, долго не воротится к государю. «Мы хоть то время будем живые! Пойдём к приходьской церкви. Скупим попа и дьячка и возьмём у них похоронную». Приехали оне к приходьской церкви к священнику и стали оне об этом говорить: «Што сделайте такую-то похоронную, што исповедали и причастили такую-то царицю». И они ему посулили 3000 рублей денег. И они розделили с дьячком. Поп взял 2000, а дьячок 1000. И дали им похоронную. И отправились эти енералы домой; и привозят они к государю похоронную. И государь им по похоронной поверил.

И потом эта самая царица изошла в город, где она родилась, и зашла в крайнюю избушку. И в этой избушке жила одна старушка.

Зашла она вечером и спросала у ее: «Бабушка, напой миня чаем. А я завтрашней день куплю, тебя самое´ отпою». Попила цяйку и легла спать. Утром стаёт и подаёт старухе 25 рублей денег: «Иди, бабушка, на рынок и купи мне из старья муськую одёжу. А што на одёжу не издержишь, а на остатки купи чаю и закуски». Купила старуха одёжи и закуски: попили они цяйку и закусили. И она говорит: «Бабушка, побереги это моей одёжи. Време´ будет, я тебе одёжу дорого заплачу». Она оделась в муськую одёжу и велела бабке подстричь волосы, и отправилась в город. И пришла к отцю в лавку и стояла у него чельнёй день у выручки. И отець вечером спросал у ее: «Што же ты, молодечь, весь день стоял у выручки? Покупать ничево не покупал, и продавать ничего не продавал?» Он ему ответил: «Продать у меня, говорит, нечево, а купить не на што. А вот бы, говорит, мне надо местечко послужить бы». Отець говорит своему сыну: «Парень, говорит, ловкой, возьмём мы к тебе в подручные!» И оне пригласили и оставили ево тут жить. И так занелсе за торговлю, и стал торговать лутше их. И он видит уда´ку в нём хорошую, посодил в особую мага´зину, и стал он там деньги так выручать, што отець с сыном столько выручит, сколько он один. Прожил он пять лет и стал прошать у своево хозяина рашшот. Хозяин ему не зачал давать, зачал упрашивать, штобы он ешшо у ево послужил. Он согласилсе у ево служить и согласилсе тем рошшотом ево рошшытать, сколько с ним нажил. И досталось ему тысеци большие, и он купил осередь городу дом. И выноску вынесла про весь белой свет, рассказ, как ихней столишней город был, и государь посулилсе войсько осмотреть; и этому же городничену писал письмо, штобы устроить фатеру для ево приезду. И этакой был выход, што все купчи и господа в трахтире, кроме ее, цяю не пили. И он всем был господам и купчям знаком. И потом городничанин делал собранье, где бы избрать про государя фатера для ево приезду´, и все так, как предложил, и сделать фатера у таково-то купчя в гостиннице. Он не отправилсе порато.

Приехал государь смотреть войсько; он запряг шестёрку коней, экипаж, и отправилсе к войськам. Просмотрил государь войська. И он видит, што государь кончил роботу свою, подходит к государю и просит ево в экипаж, государь согласилсе и сел к ему в экипаж, и поехали. Приежжают к гостиннице: государь глядит на вывеску: «Што-то я вывески такой не видал нигде?» Попрошал он у ево цяю, ему приносят закуски. Он у ево и спрашивает: «Што это у вас за вывеска? Я такой нигде не видал». — «Это, говорит, у меня был». — «Дак вот вы розкажите мне». — «Не стоит, ваше императорское величество, сказывать». — «Нет, нужно россказать, то я так и не уеду». — «Много тревоги будет, ваше императорское величество». — «Тревога даром». — «А даром,

прикажете двух своих придворных енералов, от такой-то приходьской церкви попа и дьячка, таково-то архирея, таково-то купчя (батька своево)». Приказали енералов, дьячка и свешенника, архирея и купчя, и она предложила о том: «Ну, ваше императорское величество, я быль буду сказывать, штобы никому меня не перебивать! Вот, говорит, дядя решилсе меня сгубить, потому как я ему не сдала́сь. Я ушла в лес в розбойнической дом, и он меня решил волшебной старухой. И потом розъехался царьской сын и нашел в погребу девичю, и убрал к себе, и сам уехал войскков смотреть. И отець у него здумал спальню вымыть и нашел в спальне гроб, и в гробу девичя. И согласилсе похоронить. Стали они ее мыть и выдернули волшебну булавку из косы. И она сделалась живая. И оввенчались оне с государем. И жили оне два года. Выпросилась она на родину и он отправил со своими придворными енералами. И они отъехали несколько места, заехали в большой перелесок, и здумали они с ей грех совершить. И оне напали на ее двое. Она и сказала так им двоим: „Делай по одинке — я дам жеребей вам“. — „Какой ты нам жеребей даси́?“ Она кинула перстятку. Они скочили за перстяткой, и она от их уехала. И вышла она в город и служила у таково то купчя пять лет. И она у купчя рошшиталась».

Государь у ней спрашивает: «Как же ты про нее узнал?» — «А, ваше императорское величество, куды же ваша жона девалась? Если бы ее привести к вам на лицо, могли бы вы узнать ее?» — «А как бы я не узнал ее, когда я с ней два года жил». — «А как же мне не знать, как все событие случялись со мной». Она сицяс обратилась в другую комнату, и надела свою женьскую одежду, и пришла к ему: «Ну вот, вы можете, ваше императорское величество, узнать, кто я есь?» Он стал с радостью и поцеловал ее, и сказал: «Ты — жона моя». — «А вот этот отець мой», — указывает на отца. «А вот это — дядя мой, хотел сгубить миня. А ты вот с этими придворными енералами отправил миня, они хотели исильничать миня. Я не согласилась, омманула их омманом и хлёснула коней, уехала. И кони испугались, миня сронили в конаву, и оне привернули к какой-то приходьской церкви, скупили попа и дьячка, и оне им дали похоронную». И государь их согласилсе всех казнить.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Димитрия Кирилловича Сироткина](#) в деревне Роговской Прилуцкой волости.

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **ВСС 709** [Волшебное зеркальце \(Мертвая царевна\)](#) **ВС**
С (883А)
[Оклеветанная девушка](#)

{/spoiler}